

УДК 343.36
ББК 67.518

А.В. Синельников
кандидат юридических наук, доцент,
Волгоградский государственный университет

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ, СОВЕРШАЕМЫХ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ОРГАНОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

В статье дан анализ криминологических особенностей государственной преступности, преступности в сфере отправления правосудия, связанной с посягательствами на охраняемые законом права человека со стороны должностных лиц органов уголовного преследования. Раскрыта динамика преступности в сфере правосудия, отражены причины ее латентности. Рассмотрено влияние профессиональной среды на генезис мотивации совершения преступлений против правосудия. Показано, что возникновение корыстных мотивов и их реализация при совершении рассматриваемых посягательств связаны с влиянием таких факторов, как недостаточный уровень правовой культуры сотрудников правоохранительных органов, устойчивое негативное искажение правосознания, корпоративная солидарность внутри правоохранительных органов, обеспечивающая крайне редкую наказуемость противоправных деяний. В качестве детерминантов высокого уровня латентности определены специфика круга субъектов противоправных посягательств и несовершенство норм уголовного закона, регламентирующих ответственность.

Ключевые слова: государственная преступность; преступность в сфере правосудия; детерминанты преступности; уголовно-правовая политика; антикоррупционная политика; коррупция в правоохранительных органах.

A.V. Sinel'nikov
*Candidate of Legal Sciences, Associated Professor,
Volgograd State University*

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF CRIMES AGAINST PUBLIC JUSTICE COMMITTED BY PROSECUTION AUTHORITIES OFFICE HOLDERS

The paper gives analysis of criminological aspects of governmental crime, administration of justice crime related to enroaching on protected by law human rights by prosecution authorities office holders. The article reveals dynamics in justice sphere, reasons of its latency. The author studied professional environment effect on crimes against public justice commitment motivation genesis. The author states that lucrative impulses origination and realization when committing considered offences is related to following factors effect: law-enforcement officials insufficient legal culture level; stable negative legal consciousness wrench; corporate solidarism within law-enforcement agencies that leads to rare punishability for wrongful acts. Special nature of security incidents' subjects and criminal law imperfections are defined as determinants of high level of latency.

Key words: governmental crime; justice crime; crime determinants; criminal and legal policy; anti-corruption policy; law enforcement agencies corruption.

Как известно, приоритетным направлением в развитии современного государства и права, согласно нормам международного права и законодательства РФ, является обеспечение безопасности личности, ее законных прав и интересов. В этой связи особую актуальность

приобретают вопросы уголовно-правовой политики, связанные с раскрытием детерминантов государственной преступности и основных особенностей противодействия данным видам посягательств [1, с. 21–28]. Разработка эффективного механизма противодействия го-

сударственной преступности предусматривает реальные меры по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, а также ограничения ее прав и свобод. Повышенная общественная опасность приведенных выше уголовно-противоправных деяний, безусловно, требует адекватного государственно-правового реагирования. Между тем эффективное противодействие данным преступлениям возможно только в случае предварительного детального изучения их криминологической характеристики, в том числе установления масштабов распространенности, динамики, тенденций развития, причин соответствующего негативного явления, а также условий, способствующих ему.

Однако, к сожалению, по признанию некоторых ученых, «отечественной криминологией преступления против правосудия практически не исследованы с точки зрения их количественно-качественных показателей, изучения личности преступника, специфики обстоятельств совершения преступлений и мер предупреждения» [16, с. 55]. Встречаются и более категоричные суждения. Так, С.Г. Ольков полагает, что криминологи вообще предали забвению «преступления против правосудия, в особенности связанные с деятельностью субъектов сферы обеспечения законности» [17, с. 10]. С учетом изложенного непосредственный научный интерес для исследования представляет проблематика криминологических особенностей преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами органов уголовного преследования.

В качестве преступных форм подобного противоправного поведения сотрудников органов уголовного преследования гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия» предусматривает такие деяния, как привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300), незаконные задержание, заключение под стражу или содер-

жание под стражей (ст. 301), принуждение к даче показаний (ст. 302), фальсификация доказательств по уголовному делу (ч. 2, 3 ст. 303).

Указанная группа посягательств, как справедливо отмечает Ю.И. Кулешов, образует «стержень всей преступности в сфере правосудия» и содержит в себе двойной негативный эффект: во-первых, она разрушает правоохранительную систему изнутри, создавая угрозу национальной безопасности, так как страдают интересы одной из ветвей власти правового государства, во-вторых, подрывает правосознание граждан, насаждает правовой нигилизм, неверие в способность государства защитить интересы личности [12, с. 142].

В качестве одной из названных особенностей, бросающейся в глаза при ознакомлении с приводимыми ниже данными официальной статистики о состоянии преступности [12, с. 130], выступает крайне низкий уровень зарегистрированной части преступных деяний анализируемой категории и труднообъяснимая хаотичность их динамики (табл.).

Как видно из приводимых сведений о динамике количества рассматриваемых посягательств, самым распространенным преступлением выступает фальсификация доказательств. Наибольшее число зарегистрированных фактов совершения данного уголовно-противоправного деяния было отмечено в 2006 г. и составило всего 494. Причем до этого динамика числа данных преступлений была последовательно восходящей на протяжении 10 лет с весьма внушительными темпами прироста. Однако уже к 2010 г. количество преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ, в нарушение ранее сформировавшейся тенденции и исходных криминологических закономерностей стремительно сократилось за четыре года почти вдвое – до 254.

Весьма незначительно число нашедших отражение в отчетности фактов незаконного привлечения к уголовной ответственности и неправомерного освобождения от нее. Так,

Динамика количества преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами органов уголовного преследования, в 1997–2010 гг.

Статья УК РФ	Зарегистрировано преступлений в год													
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
299	7	4	3	6	10	3	6	4	4	9	3	5	7	4
300	7	12	18	11	12	9	13	10	10	14	3	5	13	10
301	41	73	53	55	62	41	30	25	21	14	5	6	0	2
302	40	28	33	12	19	18	2	4	7	4	5	3	9	1
303	46	118	210	251	292	349	336	473	445	494	306	285	302	254

количество преступлений, предусмотренных ст. 299 УК, за 14 лет с момента вступления в силу УК РФ колебалось в пределах от 3 до 10 в год, а аналогичный показатель за тот же период в отношении деяний, ответственность за которые регламентирована в ст. 300 УК, варьировался от 3 до 18. Еще более скромными являются достижения по борьбе с данными преступлениями в 2011 г. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в прошлом году по ст. 299 УК было осуждено одно должностное лицо, а по ст. 300 УК – два.

Парадоксально выглядит динамика количества таких преступлений, как незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, а также принуждение к даче показаний. Так, если число зарегистрированных фактов совершения посягательства, предусмотренного ст. 301 УК, в 1998 г. было равно 73, то спустя 11 лет, в 2009 г., не было выявлено ни одного подобного случая, а через год, в 2010 г., зафиксировано лишь два данных уголовно-противоправных деяния. В 2011 г. за указанное преступление вообще не было осуждено ни одного лица. Получается, данное преступление практически перестало совершаться, что, конечно, не соответствует действительности и не может быть воспринято иначе, как нонсенс. Сходная ситуация сложилась с абсолютными показателями преступных посягательств, предусмотренных ст. 302 УК, количество которых в 1997 г. достигало 40, а к 2010 г. удивительным образом снизилось до одного-единственного факта.

Такое положение дел с официальными сведениями об исследуемой группе преступлений, очевидно, объясняется другой их криминологической особенностью – крайне высоким уровнем латентности (как искусственной, так и естественной), на которую нередко указывают ученые, изучающие уголовно-правовые или криминологические аспекты противодействия преступлениям должностных лиц органов уголовной юстиции [13, с. 6; 19, с. 4].

В связи с этим заслуживают внимания итоги исследования, проведенного К.Р. Идрисовым с применением метода экспертных оценок, согласно которым латентность преступлений, предусмотренных ст. 299–303 УК РФ, составляет около 90 % [7, с. 57]. К аналогичному выводу приходит Ю. Синельщиков [18, с. 10]. По мнению другой группы исследователей – А.Г. Заболоцкой, А.П. Алексеева, Е.Е. Колбасиной,

указанная величина может иметь еще большее значение. Так, в отношении «профессиональных» преступлений сотрудников органов внутренних дел данные авторы отмечают: «Если в целом по всей преступности (по некоторым оценкам) количество латентных преступлений в 3–5 раз больше официально зарегистрированных, то по рассматриваемым преступлениям этот показатель еще выше» [5, с. 55].

Причины столь высокого уровня латентности, думается, связаны главным образом со спецификой круга субъектов рассматриваемой категории посягательств на правосудие и сферы, в которой ими осуществляется профессиональная деятельность. Хотя вместе с тем нельзя умалять и роль такого нередко упоминаемого в юридической литературе фактора, как несовершенство норм уголовного закона, регламентирующих ответственность за рассматриваемые преступления [4, с. 5–6; 8, с. 4]. Однако все же основные факторы латентности исследуемой группы преступлений заключаются в следующем.

Во-первых, криминологически значимой особенностью системы службы в органах уголовного преследования является то, что «начальствующий состав несет ответственность за противоправное поведение подчиненных, порой довольно строгую» [1, с. 77]. Отсюда и скрытое противодействие отдельных руководителей органов правопорядка привлечению своих сотрудников к уголовной ответственности. Известно, что виновных лиц, преступивших уголовный закон, нередко увольняют якобы по собственному желанию, чтобы не допустить распространения информации о методах работы в том или ином подразделении правоохранительного органа [9, с. 33]. Расчет на «профессиональное алиби», поддержку либо лояльность руководства, позволяющих избежать ответственности, является одним из наиболее существенных обстоятельств, влекущих формирование субъективной готовности к совершению исследуемых посягательств.

Во-вторых, труднопреодолимым препятствием в формировании доказательственной базы против виновных должностных лиц органов уголовной юстиции выступает так называемая «корпоративная солидарность» среди сослуживцев, которые в силу сложившейся профессиональной деформации психологии покрывают своих коллег, допустивших нарушения закона. В итоге попытки выяснить

обстоятельства совершения преступления и выявить его свидетелей натываются на «стену молчания».

В-третьих, обладая в силу занимаемых должностей знаниями в области юриспруденции, криминалистики, психологии, а также имея навыки и опыт работы в правоохранительной системе, соответствующие сотрудники, совершив уголовно-противоправное деяние, способны обеспечивать его успешное сокрытие и устранение следов преступления.

В-четвертых, потерпевшие от исследуемой группы посягательств часто вообще не обращаются в органы прокуратуры или отделы собственной безопасности, с одной стороны, опасаясь мести за такие действия со стороны виновных сотрудников правоохранительных органов, с другой – не веря в возможность объективного расследования противоправных действий указанных лиц и их справедливого наказания.

Важно подчеркнуть, что негативные свойства профессиональной среды, в которой протекает служебная деятельность должностных лиц органов уголовного преследования, не только обеспечивают скрытость неправомερных деяний, совершаемых внутри нее, но и непосредственным образом диктуют саму мотивацию противоправного поведения указанных субъектов.

Как следует из данных криминологических исследований, среди мотивов совершения преступлений, предусмотренных ст. 299–303 УК РФ, доминирующим побуждением выступают так называемые ложно понятые интересы службы, которые могут проявляться в стремлении обеспечить положительные показатели служебной деятельности подразделения, защитить «честь мундира», соблюсти дух внутри-организационной солидарности, снизить нагрузку по расследованию «бесперспективных» уголовных дел, чтобы иметь больше времени на раскрытие наиболее значимых преступлений, а также в желании добиться результата по таким делам любыми методами, в том числе незаконными.

Так, по сведениям Ю.И. Кулешова, обобщившего данные исследования уголовных дел, при совершении указанных противоправных деяний данной мотивацией виновные должностные лица руководствовались в 66 % случаев [12, с. 145]. Сходную величину по итогам изучения мотивов преступных посягательств сотрудников службы криминальной мили-

ции приводит Ю.А. Мерзлов, указывая на то, что 58,3 % фактов нарушений уголовного закона данными субъектами были обусловлены стремлением улучшить показатели работы [15, с. 91]. Более того, согласно итогам опроса сотрудников правоохранительных органов, проведенного К.Р. Идрисовым, в 60,2 % случаев причиной совершения преступлений против правосудия должностными лицами явились ведомственно-корпоративные мотивы, в том числе желание увеличить процент раскрываемости [6, с. 24].

Преобладание указанных побуждений связано с господством внутри системы органов уголовного преследования негативной профессиональной субкультуры. Как справедливо указывается некоторыми учеными, она предписывает ее носителям целый комплекс неписаных правил, например следующих. Во-первых, быть как все, т.е. максимально унифицировать свое поведение. Во-вторых, создавать вокруг коллектива сотрудников некий ореол могущества, не останавливаясь перед выбором средств для достижения цели. В-третьих, по возможности проявлять разумную агрессию по отношению к ранее судимым и лицам, не стремящимся вступать в контакт с правоохранительными органами [15, с. 47].

В свою очередь, источники возникновения указанной субкультуры и деформированной мотивации поведения обусловлены крайне разнообразными факторами. К ним относятся чрезвычайно низкий уровень правосознания сотрудников, в том числе руководящего уровня; атмосфера безнаказанности и «круговой поруки», обеспечивающая эффект «стен молчания» при выявлении служебных злоупотреблений, очевидное несоответствие между незначительными кадровыми и материальными ресурсами правоохранительных органов и огромным объемом работы, который они призваны выполнять, и т.д. Однако определяющую роль в возникновении побуждений ложно понятых интересов службы, думается, играет все-таки другое специфическое обстоятельство – серьезные недостатки самой концепции борьбы с преступностью и системы оценки эффективности деятельности правоохранительных органов в данном направлении.

К сожалению, в государственной антикриминальной политике фактически продолжают использоваться элементы социалистической доктрины «искоренения преступности»

при внешнем декларировании модернизации функционирования правоохранительной системы. Так, ни для кого не секрет, что в советский период существования нашей страны преступность понималась как пережиточное явление, не имеющее в грядущем коммунистическом обществе социальной базы и закономерно «отмирающее» по мере исторического развития. Поэтому перед органами правопорядка ставилась задача по ликвидации преступности. Не имея реальной возможности снизить уровень преступности, а тем более ее ликвидировать, а также действительно увеличить показатели раскрываемости (особенно в условиях постепенной либерализации режима), правоохранительные органы приурачивали всеми возможными способами приукрашивать криминологическую реальность, показывая себя в формируемых ими же сведениях в как можно лучшем свете [14, с. 138]. К сожалению, к настоящему моменту ситуация мало изменилась. До сих пор регулярно обнаруживаются требования высоких должностных лиц о повышении раскрываемости преступлений, снижении уровня преступности в целом либо ее показателей в отдельных сегментах. Причем очевидно, что данные заявления носят произвольно-популистский характер, поскольку не обеспечены объективными условиями и возможностями правоохранительных органов. Нетрудно заметить, что негативная динамика уровня уголовно-противоправных деяний, как правило, вменяется в вину ведомствам «силового блока» и их территориальным подразделениям. В итоге за состояние преступности чуть ли не персональную ответственность несут руководители органов уголовной юстиции.

Между тем, безусловно, прав В.В. Лунев, подчеркнув следующее: «Ныне очевидно, преступность – неотъемлемая часть социальной жизни... Политическая, экономическая и личная свобода в демократических странах, обеспечивая достойную жизнь и саморазвитие народа, успешно используется и преступниками. Демократический контроль над преступностью не сводится к ужесточению деятельности правоохранительных органов. Он намного сложнее, многообразнее и экономически дороже» [14, с. 138–139]. И такое положение дел вполне закономерно. Большинство факторов, детерминирующих преступность, неподвластно органам правопорядка и не может быть ими устранено. В их компетенции лишь эффективное пресечение и привлечение к ответственно-

сти виновных, а также специально-предупредительная деятельность, что является лишь одним из элементов антикриминальной политики государства.

Пагубное действие в отечественной правоохранительной системе указанной устаревшей доктрины проявляется и в существующей системе оценки деятельности органов правопорядка по борьбе с преступностью. Яркой иллюстрацией этого выступает приказ МВД РФ от 19 января 2010 г. № 25 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел РФ, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и предварительного следствия». Этот документ ведомственными средствами массовой информации был представлен общественности как достаточно прогрессивный и качественно отличающийся от ранее действовавшего и печально известного приказа МВД РФ от 5 августа 2005 г. № 650, посвященного аналогичному предмету регулирования. Однако, к сожалению, непосредственное ознакомление с системой индикаторов эффективности работы органов правопорядка приводит, напротив, к неутешительным выводам.

Так, формальный отказ от такого показателя, как общий процент раскрываемости преступлений, продекларированный в п. 2.6 Инструкции по оценке деятельности органов внутренних дел, утвержденной упомянутым приказом МВД РФ от 19 января 2010 г. № 25, фактически никаких изменений в порядок оценки функционирования правоохранительных органов не внес. Дело в том, что в системе оценки результативности работы ОВД присутствует десять самостоятельных показателей, характеризующих динамику раскрываемости отдельных преступлений: количество раскрытых краж, количество раскрытых тяжких и особо тяжких преступлений, количество раскрытых преступлений экономической направленности и т.д. (пп. 1–8, 13 графы 3 разд. 4 Приложения № 1 к указанному приказу МВД РФ), а также еще не менее десяти производных или зависимых от них показателей: количество уголовных дел, направленных в суд с обвинительным заключением, число обвиняемых по направленным в суд уголовным делам, количество изъятых из незаконного оборота единиц оружия, боеприпасов, наркотических средств и т.д. (пп. 9–12 графы 3 разд. 4, пп. 1 и 2 графы 3 разд. 6, п. 1 графы 3 разд. 7 Приложения № 1 к указанному приказу МВД РФ).

При этом следует отметить, что все индикаторы (расчетные соотношения) показателей раскрываемости имеют максимальный коэффициент значимости, равный трем, что резко усиливает «удельный вес» соответствующих величин. С учетом таких обстоятельств влияние статистических данных о раскрываемости преступлений по-прежнему остается определяющим фактором в итоговой оценке результативности работы ОВД. В итоге можно сделать вывод, что система оценки усложнилась, однако ее исходный принцип, хоть и в более завуалированной форме, но сохранен, а значит, источники мотивации служебного поведения сотрудников органов правопорядка также не изменятся.

Следует отметить, что ложно понятые интересы службы – это хотя и преобладающий, но далеко не единственный тип мотивации противоправного служебного поведения должностных лиц органов уголовного преследования. К другим распространенным побуждениям их посягательств на интересы правосудия исследователи относят корыстные устремления, карьеризм и иные соображения личной заинтересованности, а также так называемые статусно-исполнительские мотивы, выражающиеся в действиях под давлением указаний руководства [6, с. 24–25; 12, с. 142].

Несомненно, наиболее высокий уровень общественной опасности совершению рассматриваемых преступлений придает мотив корыстной заинтересованности. Его наличие, как правило, свидетельствует о совокупности преступлений в действиях виновного, который осуществляет одно из деяний, предусмотренных ст. 299–303 УК, и получает за это от заинтересованного лица взятку (ст. 290 УК). Однако такая мотивация выявляется не так часто – в пределах 10 % случаев от числа соответствующих уголовных дел [12, с. 145]. Это, вероятно, связано с известными проблемами выявления коррупционных форм поведения в системе уголовного судопроизводства, которые носят крайне завуалированный, скрытый характер. Наиболее типичен корыстный мотив для таких преступлений, как незаконное освобождение от уголовной ответственности и фальсификация доказательств по уголовному делу. Так, по данным криминологических исследований, подавляющее большинство взяток в сфере правоохранительной деятельности дается именно за непринятие должных мер по привлечению виновных к уголовной ответ-

ственности [2, с. 269; 10, с. 90; 11, с. 38]. По сведениям А.И. Долговой, среди опрошенных предпринимателей взятки в правоохранительных органах давал каждый шестой, а среди всех категорий опрошенных в Москве, Воронеже, Владивостоке, Волгограде – от 4 до 9 % [3, с. 259].

Объективные предпосылки генезиса указанной мотивации противоправного поведения обусловлены принципиальной недосягаемостью полного соответствия уровня оплаты труда государственных служащих органов уголовной юстиции экономическому эквиваленту цены их полномочий, что в целом характерно и для других отраслей государственной деятельности. Между тем рациональная социально-правовая, организационно-управленческая и кадровая политика вполне способна предупредить возникновение криминогенных побуждений у должностных лиц. Однако в современных условиях данная задача решается неудовлетворительно. Этим и вызваны колоссальные масштабы коррупции в среде сотрудников органов уголовного преследования.

Как представляется, возникновение корыстных мотивов у указанных субъектов и их реализация при совершении рассматриваемых посягательств отчасти причинно связаны с влиянием тех же факторов, что и формирование побуждений ложно понятых интересов службы: откровенный упадок общей культуры сотрудников правоохранительных органов, устойчивые негативные искажения их правосознания; корпоративная солидарность внутри правоохранительных органов, обеспечивающая крайне редкую наказуемость противоправных деяний даже в случае их выявления руководством. Весомую роль, думается, играет и весьма специфический детерминант – недостаточная материальная обеспеченность работников органов правопорядка, ее несоответствие характеру и объему выполняемой ими работы. На ее фоне стремительно развивается деформация мировоззрения, связанная с формированием потребительской, стяжательской психологии. Как справедливо указывается Л.И. Фроловой, декларируемые государством социальные гарантии сотрудникам правоохранительных органов и их исполнение оказались прямо противоположными друг другу [20, с. 44]. Так, к примеру, по сведениям, приводимым С.А. Алтуховым, в списках на улучшение жилищных условий со-

стоит 153 тыс. семей рядового и начальствующего состава ОВД, в том числе около 20 тыс. стоят на очереди свыше десяти лет.

Недостаточное финансирование органов уголовной юстиции не только приводит к ослаблению возможностей государства обеспечивать реальную защиту прав граждан, но и отражается на отношении должностных лиц к своей деятельности. Нерешенность их насущных социально-бытовых проблем обуславливает и резкое снижение кадрового потенциала, падение уровня правовой культуры сотрудников. В свою очередь, откровенный правовой нигилизм многих из них оказывает обратное действие, интенсифицируя негативное воздействие факторов экономического кризиса.

Некоторые положительные изменения намечались в вопросах материального обе-

спечения в отношении лишь одной категории должностных лиц органов уголовного преследования – сотрудников полиции – в связи с принятием ФЗ от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». Однако последовательность и качество исполнения государством взятых на себя по указанному закону обязательств только предстоит оценить.

Подводя итог сказанному, хотелось бы выразить надежду, что изложенные выше криминологические особенности преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами органов уголовного преследования, будут учтены при разработке комплекса мер по противодействию данным общественно опасным посягательствам.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев В.А. Национальная уголовно-правовая политика в сфере противодействия преступности / В.А. Авдеев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 21–28.
2. Варыгин А.Н. Коррупция в органах внутренних дел / А.Н. Варыгин // Преступность и коррупция: современные российские реалии. – Саратов, 2003. – 269 с.
3. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А.И. Долгова. – М., 2003.
4. Емеева Н.Р. Уголовная ответственность за преступления против правосудия, совершаемые судьями и должностными лицами правоохранительных органов : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Р. Емеева. – Казань, 2005.
5. Заболоцкая А.Г. Латентная преступность: понятие, причины, способы измерения и противодействия / А.Г. Заболоцкая, А.П. Алексеева, Е.Е. Колбасина. – Волгоград, 2008.
6. Идрисов К.Р. Особенности мотивации преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами / К.Р. Идрисов // Российский следователь. – 2006. – № 12. – С. 23–25.
7. Идрисов К.Р. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов предварительного следствия и суда : дис. ... канд. юрид. наук / К.Р. Идрисов. – Н. Новгород, 2007.
8. Кабашный И.Н. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов, осуществляющих уголовное преследование : дис. ... канд. юрид. наук / И.Н. Кабашный. – Саратов, 2005.
9. Ковалев А.П. Преступлениям, совершаемым работниками правоохранительных органов, – надежный заслон / А.П. Ковалев // Проблемы профилактики преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов. – М., 1998.
10. Королева М.В. Коррупция в сфере правоохранительной деятельности / М.В. Королева // Коррупция и борьба с ней. – М., 2000. – 90 с.
11. Криминальная ситуация на рубеже веков в России / под ред. А.И. Долговой. – М., 2001.
12. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения : дис. ... д-ра юрид. наук / Ю.И. Кулешов. – Владивосток, 2007.
13. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации / Л.В. Лобанова. – Волгоград, 1999.
14. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ / В.В. Лунеев. – М., 1997.
15. Мерзлов Ю.А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками службы криминальной милиции : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.А. Мерзлов. – Омск, 1998.
16. Мирошник С.С. Преступления против правосудия как объект криминологического исследования / С.С. Мирошник // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. – 2009. – № 3 (11). – С. 54–59.
17. Ольков С.Г. Уголовно-процессуальные правонарушения / С.Г. Ольков. – Тюмень, 1996.
18. Синельников Ю. Законность в милиции – ситуация тревожная / Ю. Синельников // Законность. – 1994. – № 5.
19. Тарасов Н.В. Преступления, совершаемые сотрудниками милиции: криминологический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
20. Фролова Л.И. Социально-политические последствия коррупции в России / Л.И. Фролова // Коррупция и борьба с ней. – М., 2000.

REFERENCES

1. Avdeev V.A. National criminal and legal policy in crime counteraction sphere. [Nacional'naja ugolovno-pravovaja politika v sfere protivodejstvija prestupnosti]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava – Criminology journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2012, no. 4, pp. 21–28.
2. Varygin A.N. Corruption in Internal Affairs Agencies. Crime and corruption: modern russian realias. [Korrupcija v organah vnutrennih del. Prestupnost' i korrupcija: sovremennye rossijskie realii]. Saratov, 2003. – 269 p.
3. Dolgova A.I. Crime, its organized nature and criminal society. [Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo]. Moscow, 2003.
4. Emeeva N.R. Criminal responsibility for crimes against public justice committed by Courts and law enforcement agencies' office holders. Author's abstract. [Ugolovnaja otvetstvennost' za prestuplenija protiv pravosudija, sovershaemye sud'jami i dolzhnostnymi licami pravoohranitel'nyh organov : dis. ... kand. jurid. nauk]. Kazan', 2005.
5. Zabolockaja A.G. Latent crime: definition, reasons, ways of measurement and counteraction. [Latentnaja prestupnost': ponjatie, prichiny, sposoby izmerenija i protivodejstvija]. Volgograd, 2008.
6. Idrisov K.R. Aspects of motivation for crimes against public justice committed by office holders [Osobennosti motivacii prestuplenij protiv pravosudija, sovershaemyh dolzhnostnymi licami]. *Rossijskij sledovatel' – Russian examining official*, 2006, no. 12, pp. 23–25.
7. Idrisov K.R. Crimes against public justice committed by pretrial investigation office holders and courts. Author's abstract. [Prestuplenija protiv pravosudija, sovershaemye dolzhnostnymi licami organov predvaritel'nogo sledstvija i suda : dis. ... kand. jurid. nauk]. N. Novgorod, 2007.
8. Kabashnyj I.N. Crimes against public justice committed by prosecution authorities office holders. Author's abstract. [Prestuplenija protiv pravosudija, sovershaemye dolzhnostnymi licami organov, osushhestvljajushhij ugolovnoe presledovanie : dis. ... kand. jurid. nauk]. Saratov, 2005.
9. Kovalev A.P. Crimes committed by law enforcement agencies' officials. Problems of Crimes committed by law enforcement agencies' officials prevention. [Prestuplenijam, sovershaemym rabotnikami pravoohranitel'nyh organov, – nadezhnyj zaslon. Problemy profilaktiki prestuplenij, sovershaemyh sotrudnikami pravoohranitel'nyh organov]. Moscow, 1998.
10. Koroleva M.V. Corruption in law enforcement sphere. Corruption and fight against it. [Korrupcija v sfere pravoohranitel'noj dejatel'nosti. Korrupcija i bor'ba s nej]. Moscow, 2000. 90 p.
11. Criminal situation at the turn of XXth century in Russia. Edited by A.I. Dolgovaja. [Kriminal'naja situacija na rubezhe vekov v Rossii / pod red. A.I. Dolgovoj]. Moscow, 2001.
12. Kuleshov Ju.I. Crimes against public justice: problems in theory, legislative drafting and law enforcement. Dissertation. [Prestuplenija protiv pravosudija: problemy teorii, zakonotvorchestva i pravoprimenenija : dis. ... d-ra jurid. nauk]. Vladivostok, 2007.
13. Lobanova L.V. Crimes against public justice: theoretical problems in classification and legislative regulation. [Prestuplenija protiv pravosudija: teoreticheskie problemy klassifikacii i zakonodatel'noj reglamentacii]. Volgograd, 1999.
14. Lunev V.V. The XX Century crime: global, russian and regional tendencies: World criminology analysis. [Prestupnost' XX veka: Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii: Mirovoj kriminologicheskij analiz]. Moscow, 1997.
15. Merzlov Ju.A. Criminal Militia Service officials committed crimes' criminology characteristics and prevention. Dissertation. [Kriminologicheskaja harakteristika i preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh sotrudnikami sluzhby kriminal'noj milicii : dis. ... kand. jurid. nauk]. Omsk, 1998.
16. Miroshnichenko S.S. Crimes against public justice as an object of criminological research. [Prestuplenija protiv pravosudija kak ob'ekt kriminologicheskogo issledovanija]. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury RF – Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation Bulletin*, 2009, no. 3 (11), pp. 54–59.
17. Ol'kov P.G. Criminal and procedural law breakings. [Ugolovno-processual'nye pravonarushenija]. Tjumen', 1996.
18. Sinel'shnikov Ju. Legal order in Militia – situation is disturbing. [Zakonnost' v milicii – situacija trevozhnaja]. *Zakonnost' – Legal order*, 1994, no. 5.
19. Tarasov N.V. Militia officials committed crimes: criminologic aspect. Dissertation. [Prestuplenija, sovershaemye sotrudnikami milicii: kriminologicheskij aspekt : dis. ... kand. jurid. nauk]. Moscow, 2000.
20. Frolova L.I. Social and political consequences of corruption in Russia. Corruption and fight against it. [Social'no-politicheskie posledstvija korrupcii v Rossii. Korrupcija i bor'ba s nej]. Moscow, 2000.

Сведения об авторе

Синельников Андрей Валерьевич – доцент кафедры уголовного права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, Волгоград; e-mail: sinelnikov_1979@mail.ru.

About the author

Sinel'nikov Andrej Valer'evich – associated Professor of the Criminal Law Department, Volgograd State University, Candidate of Legal Sciences, Associated Professor, Volgograd; e-mail: sinelnikov_1979@mail.ru.